

ВЕРБАЛЬНЫЕ И ВИЗУАЛЬНЫЕ ТЕКСТОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ ИМЕНИ ПЕРСОНАЖА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА М. ГОРЬКОГО «СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ»)

И. И. Чумак-Жунь, Д. А. Черемохина, Г. Ю. Мальцева

Аннотация

Введение. Имя литературного персонажа может выступать не только единицей вербального кода, но и особым лингвокультурным знаком, обладающим символическим значением. Цель статьи — проанализировать взаимосвязь текстовых доминант речевого портрета героя с элементами когнитивной базы носителей русского языка, репрезентированной прецедентными именами. Актуальность исследования обусловлена важностью изучения базовых ценностей русской лингвокультуры сквозь призму прецедентного имени, образованного путем лингвистических трансформаций семантической структуры исходного онима и функционирующего в текстах современных дискурсов.

Материалы и методы. Объектом исследования стал рассказ М. Горького «Старуха Изергиль», который выходит в школьную программу по литературе. Методология исследования включает несколько этапов, связанных с анализом текстовых характеристик и определением их связи с инвариантом восприятия прецедентных имен. Исследование инварианта восприятия, стоящего за прецедентными именами героев исследуемого рассказа, осуществляется путем контекстного и статистического анализов дифференциальных признаков, зафиксированных в контекстах основного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Последний этап работы — оценка выявленной связи компонентов структуры прецедентного имени и текстовых характеристик с точки зрения национальных, этических, культурологических приоритетов русской языковой картины мира. В статье проводится сопоставительный анализ текстовых характеристик и признаков прецедентных имен героев Старуха Изергиль, Данко, Ларра, зафиксированных в партиях внешней и внутренней речи, а также в авторских описаниях.

Результаты исследования. Анализ показал, что дифференциальные признаки прецедентных имен Старуха Изергиль и Данко мотивируются текстовыми доминантами, а имя героя Ларры не становится прецедентным. Авторы приходят к выводу о выборочности языкового сознания: не все важные с художественной точки зрения детали речевого портрета сохраняются в когнитивной базе носителей языка, актуальными оказываются лишь те признаки имени, которые соответствуют ценностям национального менталитета и внутренней природе русского человека.

Заключение. Перспективы исследования связаны с дальнейшим изучением условий формирования прецедентности имен литературных персонажей по данной сопоставительной методике.

Ключевые слова: речевой портрет, Старуха Изергиль, Данко, прецедентное имя, прецедентность, инвариант восприятия, когнитивная база, текстовые доминанты

VERBAL AND VISUAL TEXT CHARACTERISTICS AS A CONDITION FOR THE FORMATION OF A CHARACTER'S PRECEDENT STATUS: A CASE STUDY OF GORKY'S 'OLD IZERGIL'

I. I. Chumak-Zhun, D. A. Cheremokhina, G. Yu. Maltseva

Abstract

Introduction. A literary character's name can function not only as a unit of a verbal code but also as a distinct linguo-cultural sign possessing symbolic meaning. The purpose of this article is to analyze the interrelation between the textual dominants of a character's speech portrait and elements of the cognitive base of native Russian speakers, as represented by precedent names. The relevance of the study is determined by the importance of investigating the core values of Russian linguistic culture through the lens of a precedent name, which is formed through linguistic transformations of the semantic structure of the original proper name and functions within the texts of modern discourses.

Materials and Methods. The study focuses on Maxim Gorky's story 'Old Izergil', a text included in the standard school literature curriculum. The research methodology comprises several stages related to the analysis of textual characteristics and the determination of their connection to the perception invariant of precedent names. The study of the perception invariant underlying the precedent names of the story's characters is carried out through contextual and statistical analysis of differential features found in the main subcorpus of the Russian National Corpus. The final stage of the work involves assessing the identified connection between the components of the precedent name's structure and the textual characteristics from the perspective of the national, ethical, and cultural priorities of the Russian linguistic worldview. The article presents a comparative analysis of the textual characteristics and features of the precedent names of the characters Old Izergil, Danko, and Larra, as recorded in instances of their external and internal speech, as well as in the author's descriptions.

Results. The analysis showed that the differential features of the precedent names Old Izergil and Danko are motivated by textual dominants, whereas the name of the character Larra does not achieve precedent status. The authors conclude that linguistic consciousness is selective: not all details of a speech portrait that are important from an artistic perspective are preserved in the cognitive base of native speakers. Only those features of a name that align with the values of the national mentality and the inner nature of the Russian person prove to be relevant.

Conclusions. Further research may continue the identification of conditions for the formation of a precedent status of literary characters' names using the proposed comparative methodology.

Keywords: speech portrait, Old Izergil, Danko, precedent name, precedent, perception invariant, cognitive base, text dominants

Литературный персонаж выступает центральным элементом структуры и содержания художественного текста. Анализ образа персонажа художественного произведения связан с изучением его текстовых характеристик, раскрывающих доминантные черты личности героя.

В первую очередь, это вербальные и визуальные авторские характеристики, важнейшую роль в которых играет речевой портрет героя.

Появление термина «речевой портрет» связано с именем М. В. Панова, предложив-

шего в середине 1960-х гг. идею фонетического портрета (Панов 1990). Под речевым портретом понимают:

- «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» (Тарасенко 2007, 20);
- «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» (Матвеева 1993, 87);

- воплощенную в речи языковую личность (Леорда 2006, 6).

Академик В. В. Виноградов отождествлял понятия «речевой портрет» и «речевая характеристика». По мнению ученого, «структура образа персонажа основана на сложных приемах речевой характеристики, на разнообразных способах и формах связей и отношений речи этого персонажа со стилем автора и с речами других персонажей, на динамике смысловых превращений и изменений текста и контекста, а также ситуаций действия в литературном произведении, в его композиционном развитии, в развертывании его сюжета» (Виноградов 1963, 87).

Современные исследователи, развивая идеи В. В. Виноградова, обращают внимание не только (и не столько) на лексикон говорящего. В их работах целостный речевой портрет языковой личности персонажа представлен как иерархически организованная структура, включающая социопсихолингвистические (социальные, психологические, биологические) особенности; личные интересы и увлечения; описание и анализ всех системно-языковых уровней в речи героя; особенности его речевой культуры (Макеева 2014, 83). В процессе художественной коммуникации литературный персонаж «оживает», доминантные черты его речевого портрета сохраняются в сознании читателя, приобретая статус устойчивых признаков, соотносимых с именем героя, названием текста или коммуникативной ситуацией, в которой они проявляются. Предметом анализа данного исследования стали доминантные текстовые характеристики персонажа, в первую очередь вербальные и визуальные, хранящиеся в когнитивной базе носителей языка в виде общего или национально-детерминированного знания, актуализатором которого выступает имя литературного героя.

Имя, соотносимое с деталями речевого портрета, является не только единицей вербального кода (значение онима), но и образным знаком-символом, способным к расширению своей семантической структуры.

В определении специфики имени собственного по отношению к именам нарицательным мы придерживаемся точки зрения Н. Ф. Алефиренко, который отмечает, что в семантической структуре онимов так же, как и у имен нарицательных, возможно выделение трех компонентов: референтного, денотативного и сигнификативного (Алефиренко 2005, 204). По мнению ученого, в значении имени собственного отражается как «индивидуальный признак, которым данный объект именования выделяется из совокупности других однотипных объектов (референтное значение онима)», так и «групповой признак, по которому этот объект относится к соответствующему классу объектов» (Алефиренко 2005, 204). Сущность сигнификативного компонента ономастического значения связана с единичным понятием, обозначаемым именем. Этот компонент может быть передан описательной языковой конструкцией, например Сусанин — это «тот, который завел врага в болото», «тот, кто героически погиб, спасая царя», и т. п. Важно отметить, что в речевом употреблении сигнификативный компонент значения онима подвергается различным изменениям: одно и то же имя может выражать разные сигнификаты. Об интегративном характере семантики имени собственного пишет Е. Ю. Позднякова, которая интерпретирует ее как совокупность «сосуществующих значений лексемы-онима (энциклопедических, лексических, коннотативных) и разнообразных смыслов, приобретаемых онимом в процессе его функционирования в дискурсивных практиках носителей языка» (Позднякова 2024, 36).

Таким образом, триада ключевых компонентов семантики имени собственного составляет ядро его значения, а в периферию попадают коннотативные приращения смысла, обусловленные социально-историческими, культурными, личными факторами. Когда имя литературного героя приобретает статус общеизвестного, происходит расширение семантической валентности онима, который в различных контекстах, сохраняя связь с исходным понятием, используется

для обозначения отличительных признаков нового референта. Речь в этом случае идет уже о прецедентном имени.

Текст рассказа М. Горького «Старуха Изергиль» хорошо известен представителям русской лингвокультуры, поэтому имена героев произведения могут быть проанализированы с точки зрения прецедентности.

Методология исследования прецедентного имени включала несколько этапов:

1. Определение отличительных характеристик каждого героя рассказа. На этом этапе проводился лингвистический, стилистический и статистический анализ текстовых языковых средств, характеризующих персонажа.
2. Выявление инварианта восприятия имен героев анализируемого рассказа. Для проведение процедуры методом сплошной выборки из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) производился отбор контекстов, в которых функционируют имена героев рассказа. Предметом анализа стали те примеры, в которых прецедентные имена функционировали не в прямом денотативном, а в коннотативном значении. В картотеку нашего исследования вошло 74 текста.
3. Определение связи инварианта восприятия прецедентного имени и ключевых признаков речевого и визуального портрета, созданного в художественном тексте.
4. Оценка выявленной связи компонентов структуры прецедентного имени и текстовых характеристик с точки зрения национальных, этических, культурологических приоритетов русской языковой картины мира.

Структура значения прецедентных имен со сферой-источником «Художественный текст» определяется содержанием партий внешней и внутренней речи персонажа, а также элементами внешней (авторской) портретизации. Рассмотрим структуру значения ключевых имен из рассказа М. Горького «Старуха Изергиль» и определим набор

ключевых признаков, которые входят в когнитивную базу носителей языка.

Старуха Изергиль

Изергиль — ключевой персонаж, объединяющий рассказ как содержательно, так и композиционно. Образ старухи Изергиль, выступающей и действующим лицом, и повествователем одновременно, объединяет два мира — реальный и сказочный. Подтверждает значимость этого персонажа и то, что имя старой цыганки в сочетании с существительным *старуха* вынесено автором в заглавие — сильную текстовую позицию. Старость — важный отличительный признак героини, подчеркнутый и портретным описанием: фигура — *согнутая*; глаза — *тусклые, слезятся*; руки — *дрожащие*; пальцы — *кривые*; рот — *беззубый*; губы — *сухие, потрескавшиеся*; волосы — *седые*; нос — *загнутый, сморщенный*; щеки — *черные ямы*; кожа — *морищинистая, сухая*; голос — *скрипучий*. Детализованный портрет актуализирует в сознании читателя архетип Бабы Яги, образ которой подробно исследовал В. Пропп (Пропп 2000). Символично, что, по мнению исследователя, именно Баба Яга находится на страже загробного мира, помогает свершиться обряду инициации (Пропп, 2000, 36-39). Изергиль, как и Баба Яга, стоящая одной ногой в могиле (Баба Яга Костяная нога), «проводит» своего собеседника в легендарный мир, оценивает события, дает советы. Многогранность образа Бабы Яги в русской культуре словно воплощается в старой Изергиль — она стара, мудра, сильна духом, она путешествует и строит свою судьбу.

Рассказ старухи Изергиль о своей судьбе с высоты прожитых лет представляет ее личностью неординарной, смелой, жадно любящей жизнь. Несмотря на достаточно простой синтаксис конструкций внешних реплик героини (особенность разговорного стиля), ее выразительная, эмоциональная речь отличается обилием образных средств, наиболее яркими из которых являются сравнения. Сравнительные конструкции в повествова-

нии об извилистом, сложном, но интересном жизненном пути старухи Изергиль чаще всего встречаются в описании мужчин, с которыми ее свела судьба: 15 сравнительных оборотов (71%) характеризуют внешность, характер, поведение и речь ее спутников:

- И был он такой печальный, иногда ласковый, а иногда, **как зверь**, ревел и дрался.
- Он был уж немолодой, этот турок. Седой почти и такой важный, богатый. Говорил — **как владыка**... Глаза были черные... Прямые глаза... Смотрят прямо в душу. Очень он любил молиться. Я его в Букурешти увидела... Ходит по рынку, **как царь**, и смотрит так важно, важно.
- Но я все-таки выгнала пана. У него было такое толстое, сырое лицо, и живот — **как большая подушка**. Он смотрел, **как сытая свинья**.

Речь героини рефлексивна, она включает сравнения и в собственные описания (24%), при этом очевидно, что частотность сравнительных конструкций с зоонимами и номинациями природных явлений обусловлена естественностью Изергиль, которая, подчиняясь законам природы, проповедует ценности свободы, красоты, любви и молодости:

- Я, **как солнечный луч**, живая была и вот должна была сидеть неподвижно, точно камень.
- Он придет и посвистит тихо, как суслик, а я выпрыгну, **как рыба**, в окно на реку.
- А я, **как кошка**, вскочила ему на грудь, да и впила зубами в щеку...
- Я закипела, **как смола**!

Таким образом, анализ речевого портрета героини рассказа позволяет выделить дифференциальные признаки, которые потенциально могут войти в структуру прецедентного имени: 'старость', 'любовь к жизни', 'близость к природе', 'сказительница'.

Рассмотрим инвариант восприятия прецедентного имени Изергиль, который хранится в сознании носителей языка. Под инвариантом восприятия, вслед за И. В. Захаренко, мы понимаем «общий для всех членов данного культурного сообщества, включающий национально детерминированный набор при-

знаков в минимизированном, редуцированном виде» (Захаренко и др. 1997, 84). В основном подкорпусе НКРЯ представлен 31 текст, в котором употребляется постпозитивное сочетание имени *Изергиль* с существительным *старуха* (по состоянию на 10.10.2024). В 13 контекстах (42%) имя функционирует в названии рассказа, в 1 примере (3%) — в названии одноименного телесериала. В прямом денотативном значении имя *Изергиль* встречается в 11 контекстах (35%), в которых речь идет о героине рассказа. В 6 примерах (19%) имя употребляется в коннотативном значении, актуализирующем следующий инвариант восприятия:

1. 'Характерная внешность'.

- *К нам подошла цыганка, обликом своим сразу же напомнившая мне старуху Изергиль. Волосы ее были седыми с лиловым оттенком, глаза — в таких же темно-лилового цвета глазных впадинах — казались неподвижными и пугающими. Лилово-черным был и платок на ее голове. В это время в Сталинабаде дул «афганец», южный ветер, приносивший в город мелкую пыль [Александр Городницкий. «И жить еще надежде» (2001)] (здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка) (Национальный корпус русского языка... 2024).*
- *Капитолина Николаевна внешне была настоящая Старуха Изергиль, муж ее, огромный старик, почти никогда не вступал в разговоры [Софья Пилявская. Грустная книга (2000)].*
- *Он ей знает, что сказал? когда их познакомили? «Вы, — говорит, — вылитая старуха Изергиль! Полный шарман!» Он по Горькому диссертацию писал [Марина Палей. LongDistance, или Славянский акцент (1998–1999)].*

2. 'Пожилой возраст'.

- [Анна Хамардюк (жен)] *Да, мне до сих пор ученики пепельницы дарят. Бывает на старуху (почти Изергиль) проруха :) Я легенда [Сегодня все СМИ обсуждают «отмену ЕГЭ по русскому языку в 11 классе» (2015.10)].*

- *И хотя у нас солидная разница в возрасте — более десяти лет, иногда в шутку говорю, что я — старуха Изергиль, а он — Данко* [Людмила Нарусова, Анастасия Ниточкина. «Боюсь сглазить...» // Огонек. 1991, № 5].

3. 'Сильный, свободолюбивый характер'.

- *Надо заметить при этом, что все женщины, с которыми он до сих пор сходил-ся в течение повести, являются не простыми и обыкновенными женщинами, а, в свою очередь, человеко-богинями, напоминая собою частью Мальву, частью Изергиль* [А. М. Скабичевский. Новые черты в таланте г. М. Горького (1898)].

Таким образом, дифференциальные признаки прецедентного имени *Изергиль* мотивированы речевым портретом как текстовой доминантой художественного текста. Тем не менее не все выделенные через авторские характеристики признаки героини вошли в структуру прецедентного имени. Не сохранились такие признаки, как 'близость к природе' или 'сказительница', что, на наш взгляд, обусловлено выборочностью языкового сознания и незначительной важностью данных качеств для женщины в русской языковой картине мира.

Данко

Данко — романтический герой одной из сказок-легенд, рассказанных Изергиль. Он стал символом самопожертвования и героизма, а его имя обрело статус прецедентного. В учебных программах современной школы знакомство с ранним творчеством М. Горького приходится на 6-й класс. Несколько уроков посвящается чтению и анализу рассказа «Старуха Изергиль»: школьники изучают композицию, художественные средства, особенности и значение образов «сверхлюдей», роль пейзажа в пространстве художественного текста. Таким образом, знакомство с историей Данко — «обязательное знание», вошедшее в когнитивную базу лингвонационального сообщества. Прецедентное имя *Данко* выступает маркером этого знания, актуализирующим архетип героя.

Внешняя речевая характеристика (повествователь — старуха Изергиль) наполняет семантическое ядро имени Данко следующими компонентами: денотативное значение имени — *юноша*; референтное значение имени — *сильный, смелый и красивый предводитель, живший в старину*; сигнификативное значение — тот, который спас людей («*Но тут явился Данко и спас всех один*»); тот, который любил и жалел людей («*Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут*»); тот, который пожертвовал собой ради людей («*И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой*»); тот, который был предан людьми («*Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что еще пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце*»). Коннотативные приращения в семантике имени Данко определяются несомненно положительной оценкой, которая прочно закрепились в сознании носителей языка еще в советское время.

Речевые особенности речи Данко также характеризуют его как мужественного вождя, вдохновляющего других на жизнь. Афористичность (*Не своротит камня с пути ду-мою. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Все на свете имеет конец!*), экспрессивность (восклицательные предложения, риторические вопросы) и глаголы в повелительном наклонении (*вставайте, иде-те*) в речи Данко демонстрируют силу его духа, умение противопоставить надежду и веру в лучшее страху и трусости. Люди поверили в Данко, однако, когда усталость от трудного пути взяла верх, они выступили против своего спасителя. В противостоянии с Данко толпа людей сравнивается с животными. Сам Данко уподобляет их стаду овец («*Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!*»), а в авторских ремарках они олицетворяют собой животных жестоких, неспособных к жалости и состраданию («*они насторожились, как волки*»). Реплики

возмущенного народа вводятся в текст глаголом *реветь*, означающим ‘громкий, протяжный вой животного’. Данко противопоставляется ревущей толпе любовью в сердце и способностью к самопожертвованию. Именно эти качества в гиперболизированной форме воспевают легенда: «— *Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко. И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой*». Подобные преувеличения в целом характерны для образа романтического героя, исключительной личности, оказавшейся в исключительных обстоятельствах. Горящее сердце героя становится символом жертвенного служения народу, смелости и бескорыстия. В контексте теории прецедентности оно выступает атрибутом прецедентного имени, а описанный М. Горьким эпизод, когда разъяренная толпа не замечает смерти своего спасителя, становится прецедентной ситуацией.

По данным НКРЯ, в 26 % (11 контекстов) от общего количества употреблений (43 контекста) имя Данко функционирует в коннотативном значении, позволяющем выделить инвариант восприятия прецедентного имени (по состоянию на 17.10.2024) (Национальный корпус русского языка... 2024):

1. ‘Пылающее сердце’.

Горящее сердце Данко как символ русской культуры имеет библейские истоки. Тронутое Словом Божиим пылающее сердце побуждает человека к благим действиям, порождает любовь и способность к состраданию. Эти чувства соответствуют внутренней природе русского человека, возможно, именно поэтому образ горящего сердца закрепился не только во фразеологии (*сердце горит* — ‘переживать за кого-то’), но и стал доминантным в структуре прецедентного имени Данко. В современных дискурсах библейское значение переосмысливается, человеком с пылающим огнем сердцем чаще всего называют того, кто увлеченно занимает своим делом, «горит» им (*гореть сердцем* — ‘любить какое-то дело’):

- «*Сердце, пылающее ненавистью ко всякой нечисти, смысл и содержание жизни — в борьбе с преступностью...*» В общем — гражданин начальник **Данко** [Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. *Я, следовательно...* (1968)].

Инвариант восприятия ‘пылающее сердце’ репрезентирован и в следующем контексте:

- *Вот почему великий труд преобразования Сибири и освоения ее богатств требует от нас чистого разума и горячего сердца. Нержавеющий сплав этих двух начал — залог нашего успеха в подходе к красотам природы, породившей нас. Представленные нами картины пытаются передать именно это молодое горение. Подобно сердцу **Данко**, на картине А. Шихова встают фрагменты новой архитектуры будущих городов Сибири. На картине художника Петера Худы (ЧССР) мы видим животворный узор конструкции будущего города, который должен вписаться в извечный узор бессмертной природы* [Опытный полигон человечества // Техника — молодежи, 1975].

В данном примере прецедентное имя номинирует не человека или его состояние, а неодушевленный феномен. Основой метафорического переноса выступает доминантный признак ‘горение’, который понимается автором как стремление к будущему, желание воплотить мечты в жизнь. Горение сердца молодого Данко олицетворяет собой силу нового поколения, которое должно заложить основы будущего мира.

2. ‘Альтруист’.

В русском коммуникативном сознании Данко выступает героем, проявляющим бескорыстную заботу о других:

- *Главной его мыслью было то, что Проханов — **Данко*** [Л. А. Данилкин. *Человек с яйцом. Жизнь и мнения Александра Проханова* (2007)].
- *Этакий местный **Данко** — Что сделаю я для людей?! [Ариадна Мартин. Жесток ли боги древних майя? (2003) // Вестник США, 20.08.2003].*

Отметим, что в некоторых контекстах жертвенность как нравственный признак героя оценивается неоднозначно.

С одной стороны, люди, которые заботятся о благополучии других «до конца, без остатка», заслуживают уважения:

- *Тридцать лет, как один день, сквозь грозы и непогоды, сквозь стужу и зной, эта простая женщина, труженица и мать, несла свое сердце, словно горьковский Данко, чтобы отдать его до конца, без остатка людям* [Аркадий Львов. Двор (1981)].

Отметим, что заслуживают уважения именно искренняя забота и помощь, которую оказывают не ради выгоды. Данко совершил свой подвиг во имя любви к людям, огонь его сердца шел изнутри, из самого сердца. Доброжелательность, скрывающая дурные помыслы, чужда для русского самосознания и русской культуры, поэтому оценивается отрицательно:

- *И сердце вынимать из атлетической груди не надо. У Данко оно хотя бы горело. Если человек, то поступает дурно, подговаривая Иуду предать его, чтобы исполнить положенную ему жертву* [Николай Крышук. Расписание // Звезда, 2001].

С другой стороны, принцип «жизнь для других» может вызывать опасения:

- *Можно привести ряд рассуждений, резюмируемых одним вопросом: если все будут, как Данко, то кто останется просто жить?* [В. В. Ершов. Дневник (1989) // Летные дневники. 1984–2002 годы. Проза.ru].

Таким образом, ‘бескорыстная помощь людям’ и ‘жертвенность’ как результат этой помощи — важные дифференциальные признаки прецедентного имени Данко, получающие амбивалентную оценку в различных дискурсах.

3. ‘Молодость’.

Дифференциальный признак, с помощью которого характеризуется возраст объекта номинации, чаще всего актуализируется в паре Изергиль — Данко:

- *И хотя у нас солидная разница в возрасте — более десяти лет, иногда в шутку говорю, что я — старуха Изергиль, а он — Данко* [Людмила Нарусова, Анастасия Ниточкина. «Боюсь сглазить...» // Огонек. 1991, № 5].

4. ‘Предводитель’.

Еще один признак, характеризующий прецедентное имя и связанную с ним прецедентную ситуацию, когда герой становится вождем людей и выводит их из темного леса к светлому будущему, представлен в следующем контексте:

- *Украдкой он разглядывает ребят — они его, а он их; вот кого он, как Данко, поведет за собою* [Л. Р. Кабо. Повесть о Борисе Беклешове (1962)].

Подведем промежуточный итог. Прецедентное имя Данко является актуальным для русской лингвокультуры. Дифференциальные признаки и атрибуты имени, мотивированные созданным в легенде речевым портретом, определяют семантическую наполненность контекстов.

Ларра

Еще один ключевой персонаж легенды старухи Изергиль — Ларра, сын орла и молодой девушки, похищенной им. Гордость Ларры перерастает в гордыню, а высокомерие героя становится причиной жестокости и отрицания вековых традиции. За свое поведение Ларра получил наказание — вечное одиночество, которое в его бесконечной жизни стало страшнее смерти и превратило его в тень.

Речевой портрет Ларры создается за счет прямой и косвенной речи, а также авторских комментариев, характеризующих поведение героя. Предыстория рождения, диалоги со старейшинами, повествование о свободной жизни Ларры достаточно полно и многомерно характеризуют его образ. Тем не менее имя героя не становится прецедентным. По результатам нашего анализа, в НКРЯ не зафиксировано ни одного контекста, в котором оно функционировало бы в коннотативном значении.

Гордыня в религиозной картине мира выступает смертным грехом. Надменность и ощущение своего превосходства губят душу человека, заставляют его забыть Бога. Ларра в рассказе старухи Изергиль становится символом безбожия, олицетворением греховности и бездуховности, неслучайно в конце своего пути он становится тенью. На наш взгляд, ключевые черты Ларры, нашедшие отражение в созданном речевом портрете, противоположны ценностной составляющей картины мира русского человека, в результате чего имя героя не вошло в национальный прецедентный фонд.

Речь каждого героя включается в текстовую «разноголосицу» рассказа. Именно «многоголосым» или «разноголосым» называл художественный текст М. М. Бахтин. «Авторская речь, речи рассказчиков, вставные жанры, речи героев — это только те основные композиционные единства, с помощью которых разноречие входит в роман; каждое из них допускает многообразие социальных голосов и разнообразие связей и соответствий между ними (всегда в той или иной степени

диалогизированное). Эти особые связи и соотношения между высказываниями и языками, это движение темы по языкам и речам, ее дробление в струях и каплях социального разноречия, диалогизация ее — такова основная особенность романной стилистики» (Бахтин 1975, 76). Если обобщить многообразие голосов в художественном тексте, то среди них можно выделить два главных — голос автора и голос персонажа. Важно отметить, что эти два речевых потока сливаются в сложную систему речевого портрета персонажа, представляя нам самопрезентацию героя (внутренняя портретизация) и его характеристику автором или другими героями (внешняя портретизация).

Сознание народа выбирает наиболее значимые признаки, отражающие актуальные для того или иного времени качества личности. Источником такого инвариантного набора признаков становится речевой портрет литературного героя. Именно речевой портрет выступает текстовой доминантой, формирующей инвариант восприятия имени, которое становится прецедентным.

ИСТОЧНИКИ

Горький, М. (1960) Старуха Изергиль. В кн.: *Собрание сочинений в 18 томах. Т. 1*. М.: Государственное издательство художественной литературы, с. 92–108.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.10.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алефиренко, Н. Ф. (2005) *Спорные проблемы семантики*. М.: Гнозис, 326 с.

Бахтин, М. М. (1975) *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Художественная литература, 504 с.

Виноградов, В. В. (1963) *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. М.: Академия Наук, 256 с.

Захаренко, И. В., Красных, В. В., Гудков, Д. Б., Багаева, Д. В. (1997) Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов. В кн.: В. В. Красных, А. И. Изотов (ред.). *Язык, сознание, коммуникация*. М.: Филология, с. 82–103.

Леорда, С. В. (2006) *Речевой портрет современного студента: Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. Саратов, Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 19 с.

Макеева, С. О. (2014) Речевой портрет в круге смежных понятий. *Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики*, № 3, с. 79–85.

Матвеева, Г. Г. (1993) *Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего. Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук*. СПб., Санкт-Петербургский государственный университет, 32 с.

Панов, М. В. (1990) *История русского литературного произношения XVIII–XX в.в.* М.: Наука, 453 с.

Позднякова, Е. Ю. (2024) Имя собственное в контексте теории прецедентности. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*, т. 23, № 2, с. 31–38. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-2-31-38>

Пропп, В. Я. (2000) *Исторические корни волшебной сказки*. М.: Лабиринт, 336 с.

Савчук, С. О., Архангельский, Т. А., Бонч-Осмоловская, А. А. и др. (2024) Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. *Вопросы языкознания*, № 2, с. 7–34. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>

Тарасенко, Т. П. (2007) *Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара). Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук*. Краснодар, Кубанский государственный институт, 25 с.

SOURCES

Gor'kij, M. (1960) Starukha Izergil' [Old Izergil]. In: *Sobranie sochinenij v 18 tomakh. T. 1 [Collected works in 18 volumes. Vol. 1]*. Moscow: State Publishing House of Fiction, pp. 92–108. (In Russian)

Natsional'nyj korpus russkogo yazyka [The Russian national corpus]. [Online]. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed 17.10.2024). (In Russian)

REFERENCES

Alefrenko, N. F. (2005) *Spornye problemy semantiki [Controversial problems of semantics]*. Moscow: Gnozis Publ., 326 p. (In Russian)

Bakhtin, M. M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. [Questions of literature and aesthetics]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 504 p. (in Russian)

Leorda, S. V. (2006) *Rechevoj portret sovremennogo studenta [Speech portrait of a modern student]. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology)*. Saratov, Saratov State University, 19 p. (In Russian)

Makeeva, S. O. (2014) Rechevoj portret v krugе smezhnykh ponyatij [Speech portrait within a cluster of related notions]. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*, no. 3, pp. 79–85. (In Russian)

Matveeva, G. G. (1993) *Skrytye grammaticheskie znacheniya i identifikatsiya sotsial'nogo litsa ("portreta") govoryashchego [Hidden grammatical meanings and identification of a social person ("portrait") of the speaker]. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology)*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University, 32 p. (In Russian)

Panov, M. V. (1990) *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX v.v. [The history of Russian literary pronunciation of the XVIII–XX centuries]*. Moscow: Nauka Publ., 453 p. (In Russian)

Pozdnyakova, E. Yu. (2024) Imya sobstvennoe v kontekste teorii pretsedentnosti [Proper name in the context of precedent theory]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya — Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 23, no. 2, pp. 31–38. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-2-31-38> (In Russian)

Propp, V. Ya. (2000) *Istoricheskie korni volshebnj skazki [Historical roots of a fairy tale]*. Moscow: Labirint Publ., 336 p. (in Russian)

Savchuk, S. O., Arkhangel'skij, T. A., Bonch-Osmolovskaya, A. A. et al. (2024) Natsional'nyj korpus russkogo yazyka 2.0: novye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya [Russian national corpus 2.0: New opportunities and development prospects]. *Voprosy yazykoznaviya*, no. 2, pp. 7–34. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34> (In Russian)

Tarasenko, T. P. (2007) *Yazykovaya lichnost' starsheklassnika v aspekte ee rechevykh realizatsij (na materiale dannykh assotsiativnogo eksperimenta i sotsiolekta shkol'nikov Krasnodara) [The linguistic personality of a high school student in the aspect of its speech realizations (based on data from an associative experiment and sociolect of Krasnodar schoolchildren)]. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology)*. Krasnodar, Kuban State Institute, 25 p. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1963) *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika [Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics]*. Moscow: Akademiya Nauk Publ., 256 p. (In Russian)

Zakharenko, I. V., Krasnykh, V. V., Gudkov, D. B., Bagaeva, D. V. (1997) Pretsedentnoe imya i pretse-dentnoe vyskazyvanie kak simvoly pretsedentnykh fenomenov [Precedent name and precedent statement as symbols of precedent phenomena]. In: V. V. Krasnykh, A. I. Izotov (ed.). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language — Mind — Communication]. Moscow: Philologia Publ., pp. 82–103. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ЧУМАК-ЖУНЬ Ирина Ивановна — *Irina I. Chumak-Zhun*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.
Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Moscow, Russia.

SPIN-код: 6428-2587, ORCID: 0000-0001-6790-1418, e-mail: chumak@bsuedu.ru

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы НИУ «БелГУ», профессор кафедры русского языка и методики его преподавания РУДН.

ЧЕРЕМОХИНА Дарья Александровна — *Darya A. Cheremokhina*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.
Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

SPIN-код: 4099-4502, ORCID: 0009-0000-4551-7247, e-mail: cheremohina@bsuedu.ru

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русской литературы.

МАЛЬЦЕВА Гаяне Юриковна — *Gayane Yu. Maltseva*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.
Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

SPIN-код: 5892-4572, ORCID: 0000-0003-0136-2583, e-mail: maltseva_g@bsuedu.ru

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русской литературы.

Поступила в редакцию: 2 февраля 2025.

Прошла рецензирование: 2 июля 2025.

Принята к печати: 30 сентября 2025.